

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов

Серьезный шаг
(Рассказы)

Антон Павлович Чехов

Серьезный шаг

Алексей Борисыч, только что расставшийся с послеобеденным Морфеем, сидит с женой Марфой Афанасьевной у окна и ворчит. Ему не нравится, что его дочь Лидочка пошла гулять в сад с Федором Петровичем, молодым человеком...

– Терпеть не могу, – бормочет он, – когда девицы настолько забываются, что теряют стыдливость. В этих шатаньях по саду, по темным аллеям я, кроме безнравственности и распущенности, ничего не вижу. Ты мать, а ничего не видишь... Впрочем, по-твоему, так и надо, чтоб девушка глупостями занималась... По-твоему, ничего, если они там амуриться начнут... Ты сама бы рада на старости лет, стыд забывши, на randevу поскакать...

– Да что ты ко мне пристал? – сердится старуха. – Ворчит, и сам не знает чего. Образина лысая!

– Что ж? Пусть по-твоему... Пусть там целуются, обнимаются... Хорошо... пусть... Не я буду перед богом отвечать, если девчонке вскружат голову... Целуйтесь, деточки! Женихайтеся!

– Погоди злорадствовать... Может быть, у

них ничего и не выйдет...

– Дай бог, чтобы ничего не вышло... – вздыхает Алексей Борисыч.

– Ты всегда был враг своему родному дитю... Кроме зла, ты Лидочке никогда ничего не желал... Смотри, Алексей, как бы бог не наказал тебя за твою лютость! Боюсь я за тебя! Недолго-то ведь жить осталось!

– Как хочешь, а я этого допустить не могу... Он ей не партия, да и ей спешить нечего... Судя по нашему состоянию и ее красоте, у нее женихи еще почище будут... Впрочем, зачем это я с тобой разговариваю? Очень мне нужно с тобой разговаривать! Его прогнать, а Лидку на замок – вот и всё... Так и сделаю.

Старик говорит вяло, зевая, словно резину жуует; видно, что он ворчит только потому, что у него под ложечкой сосет и язык без костей, но старуха принимает близко к сердцу каждое его слово. Она всплескивает руками, огрызается и кудахчет, как курица. Тиран, изверг, махамет, идол и другие известные ей ругательные слова так и прыгают с ее языка прямо в «харю» Алексея Борисыча... Дело кончилось бы, как всегда, внушительным плев-

ком и слезами, но тут старики вдруг видят нечто необычайное: дочь их Лидочка, с растрепанной прической, мчится по аллее к дому. Одновременно с этим далеко на повороте аллеи показывается из-за кустов соломенная шляпа Федора Петровича... На этот раз молодой человек поразительно бледен. Он нерешительно делает два шага вперед, потом машет рукой и быстро шагает назад. Засим слышно, как Лидочка вбегает в дом, пролетает сквозь все коридоры и громко запирается в своей комнате.

Старик и старуха с тупым удивлением переглядываются, потупляют взоры и слегка бледнеют. Оба молчат и не знают, что говорить. Смысл загадки для них ясен, как божий день. Оба без слов понимают и чувствуют, что сейчас, пока они тут ворчали и крысились друг на друга, была решена судьба их девочки. Достаточно иметь самое обыкновенное человеческое чутье, не говоря уж о родительском сердце, чтобы понять, какие минуты переживает теперь Лидочка, запершись в своей комнате, и какую важную, роковую роль играет в ее жизни удаляющаяся соломенная

Шляпа...

Алексей Борисыч с кряхтением поднимается и начинает шагать по комнате... Старуха следит за его движениями и с замиранием сердца ждет, когда он начнет говорить.

– Какая все эти дни странная погода стоит... – выговаривает старик. – Ночью холод, днем жара нестерпимая.

Кухарка вносит самовар. Марфа Афанасьевна моет чашки, наливает чай, но к чаю никто не дотрагивается.

– Надо бы ее... Лиду... позвать чай пить... – бормочет Алексей Борисыч, – а то потом для нее придется особенный самовар ставить... Не люблю беспорядков!

Марфа Афанасьевна хочет что-то сказать и не может... Губы ее прыгают, язык не слушается и глаза заволокло пеленой. Еще минута и – она плачет. Алексей Борисыч страстно хочет приласкать ошалевшую старуху и сам бы не прочь расхныкаться, но мешает гордость: нужно характер выдержать.

– Всё это хорошо и великолепно, – ворчит он, – только ему следовало бы сначала с нами поговорить... Да... Сначала он должен был бы,

по-настоящему, у нас Лидочкиной руки попросить... Может быть, мы и не согласились бы!

Старуха машет обеими руками, громко всхлипывает и уходит к себе в комнату.

«Это серьезный шаг... – думает Алексей Борисыч. – Нельзя решать этак зря... нужно серьезно, всесторонне... Пойду, расспрошу ее, как и что, поговорю и решу. Так нельзя!»

Старик запахивает полы халата и семенит к Лидочкиной двери.

– Лидочка! – говорит он, нерешительно берясь за дверную ручку. – Ты... тово? Больна, что ли?

Ответа нет. Алексей Борисыч вздыхает, для чего-то пожимает плечами и отходит от двери.

«Так нельзя! – думает он, шаркая туфлями по коридорам. – Надо всесторонне... подумать, потолковать, обсудить... Брак есть такое таинство, к которому нельзя относиться легкомысленно... Пойти со старухой поговорить...»

Старик семенит в комнату жены. Марфа Афанасьевна стоит перед раскрытым сунду-

ком и дрожащими руками перебирает белье.

– Сорочек совсем нет... – бормочет она. – Хорошие родители, которые путевые, дают в приданое даже детское белье, а у нас ни платков, ни полотенец... Можно подумать, что она нам не родная дочь, а сирота...

– Надо о серьезном поговорить, а ты о тряпках... Даже глядеть совестно... Тут жизненный вопрос решается, а она стоит, как купчиха, перед сундуком и тряпки считает... Так нельзя!

– А как нужно?

– Нужно подумать, обсудить всесторонне... потолковать...

Старики слышат, как Лидочка отпирает свою дверь, посылает с горничной письмо к Федору Петровичу и опять запирается...

– Решительный ответ ему посылает... – шепчет Алексей Борисыч. – Экие глупые, прости господи! Нет того в уме, чтоб со старшими посоветоваться! Ну, да и народ!

– А что я вспомнила, Алеша! – всплескивает руками старуха. – Ведь нам придется в городе новую квартиру искать! Ежели Лидочка с нами не будет жить, то на что же нам во-

семь комнат?

– Всё это пустое... чепуха... Теперь нужно о серьезном...

До самого ужина старики снуют по комнатам, как тени, и не находят себе места. Марфа Афанасьевна без всякой цели роется в белье, шепчется с кухаркой, то и дело всхлипывает, а Алексей Борисыч ворчит, хочет говорить о серьезном и несет околесицу. К ужину является Лидочка. Лицо ее розово и глаза слегка припухли...

– А, наше вам! – говорит старик, не глядя на нее.

Садятся есть и первые два блюда съедают молча... На лицах, в движениях, в походке прислуги – во всем сквозит какая-то застенчивая торжественность...

– Надо бы, Лидочка, тово... – начинает старик, – серьезно обсудить... всесторонне... Н-да... Наливки выпить, что ли? Глафира, подай-ка сюда наливку! Оно бы шампанского не мешало, да уж коли нет, то бог с ним... Н-да... так нельзя!

Подают наливку. Старик пьет рюмку за рюмкой...

– Давайте же обсудим... – говорит он. – Дело серьезнее, жизненное... Так нельзя!

– Ужас, папочка, как ты любишь много говорить! – вздыхает Лидочка.

– Ну, ну... – пугается старик. – Я ведь это только так... пур се лепетан... Не сердись...

После ужина мать долго шепчется с дочерью.

«И наверное о пустяках говорят, – думает старик, шагая по комнатам. – Не понимают, глупые, как это серьезно... важно... Так нельзя, невозможно!»

Наступает ночь... Лидочка лежит у себя в комнате и не спит... Не спится и старикам, которые шепчутся до самого рассвета.

– Не дают мухи спать! – ворчит Алексей Борисыч. Но виноваты не мухи, а счастье...